

Архипова Ирина Сергеевна

**"СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ" ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ И ВОЕННАЯ
МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА**

В статье рассматриваются социально-исторические предпосылки появления военных мемуаров в первое послевоенное десятилетие, причины их успеха у читателей тех лет, особенности. На основании проведенного историко-литературного анализа подтверждается мысль о том, что развитие литературы - процесс социально детерминированный, что формирование и существование любого жанрового образования в литературе обусловлено, прежде всего, социально-эстетическими требованиями эпохи. По глубокому убеждению автора, чем дальше в прошлое будут отодвигаться события Великой Отечественной войны, тем больший вес будут приобретать документальные свидетельства ее непосредственных участников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 26-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Аникина О. В. Обучение иноязычному письму на основе процессно-жанрового подхода // Европейский журнал социальных наук. 2013. Т. 2. № 10 (37). С. 197-199.
2. Аникина О. В., Якименко Е. В. Формирование основ научного дискурса у студентов неязыковых вузов посредством развития умений академического письма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). С. 17-22.

**TEACHING WRITING OF SCIENTIFIC ARTICLES
IN A FOREIGN LANGUAGE OF NON-LINGUISTIC STUDENTS**

**Anikina Oksana Vladimirovna
Yakimenko Elena Vladimirovna**
National Research Tomsk Polytechnic University
xana72@mail.ru; yakimenko@tpu.ru

The article is devoted to the problem of teaching foreign language academic discourse of students of non-linguistic higher education establishments. The advantages of process-genre approach by the example of teaching writing a scientific article are shown. The authors present the principles, characterize the stages of education, and generalize the problems which students face. It is shown how this approach is realized by the example of the lesson on the topic *Empirical Studies*.

Key words and phrases: foreign language written speech; academic discourse; scientific article; process-genre approach; stages of education.

УДК 82.09

Филологические науки

В статье рассматриваются социально-исторические предпосылки появления военных мемуаров в первое послевоенное десятилетие, причины их успеха у читателей тех лет, особенности. На основании проведенного историко-литературного анализа подтверждается мысль о том, что развитие литературы – процесс социально детерминированный, что формирование и существование любого жанрового образования в литературе обусловлено, прежде всего, социально-эстетическими требованиями эпохи. По глубокому убеждению автора, чем дальше в прошлое будут отодвигаться события Великой Отечественной войны, тем больший вес будут приобретать документальные свидетельства ее непосредственных участников.

Ключевые слова и фразы: политизация духовной жизни; идеология; историко-литературный процесс; «бывалые люди»; военные мемуары; документальные свидетельства.

Архипова Ирина Сергеевна, к. филол. н.
Уральский государственный медицинский университет
ira.arkhipova@gmail.com

**«СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ» ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО
ДЕСЯТИЛЕТИЯ И ВОЕННАЯ МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ©**

Как свидетельствует историко-литературный процесс, документальная, в том числе мемуарная, литература всегда сопутствовала художественной прозе. Но в развитии ее жанров наблюдались «приливы» и «отливы». Причем периоды наивысшего подъема приходились всегда на переломные годы, когда жизнь общества достигала особого напряжения, остроты, когда происходили процессы активных перемен в политической, экономической, духовной жизни людей. Можно сказать, что факт вторгался в литературу тогда, когда новое, появившееся в жизни, требовало своего осмысления. Подтверждением этого является и развитие литературы первого послевоенного десятилетия, ограниченного эпохальными событиями 1945 и 1956 годов.

Война закончилась, но еще не ушла в прошлое, не стала историей. Как победили? Как сумели выстоять? В чем причины этого? Вот вопросы, волновавшие в те годы буквально всех. Резкая политизация духовной жизни нашла отражение и в литературе. Почти невозможно было найти в то время литературное произведение, не связанное, так или иначе, с войной, с оценкой или переоценкой недавних еще событий.

Первое послевоенное десятилетие в истории нашей литературы характеризовалось также массовым приходом в нее авторов, которые не являлись профессиональными писателями. В литературу пришли участники войны, «бывалые люди», как их тогда называли. Практически в каждом номере «толстого» журнала тех лет печатались записки, документальные повести «бывалых людей», издательства выпускали отдельными брошюрами их воспоминания. Интенсивно начали публиковаться дневники, письма участников войны, тематически подобранные приказы, донесения, обращения к населению и т.п.

Журнал «Октябрь» в 5-6 номере за 1945 год ввел даже специальный раздел для мемуаров «Из фронтовых рукописей», предварив его редакционной статьей, излишне патетичной с современных позиций, но вполне в «духе» того времени: «Редакция журнала начинает систематическое печатание произведений об Отечественной войне, написанных самими участниками войны – не профессиональными писателями, а воинами-фронтовиками, бойцами, офицерами и генералами Красной Армии. Таких произведений различных литературных жанров: стихотворений, повестей, рассказов, романов, воспоминаний, записок уже накопилось огромное количество, и участники войны после победоносного ее завершения продолжают писать, стремясь запечатлеть в слове ратный труд и подвиги Красной Армии. Нужно ли говорить, что эта литература, созданная в огне войны, иногда непосредственно вслед за событиями, их участниками и деятелями, представляет выдающийся интерес» [29, с. 103].

Этот послевоенный «документальный взрыв», как его позже назвали литературоведы, был, таким образом, социально обусловлен, находился в тесной связи с общественными потребностями и закономерностями развития литературы. Это одна из «составляющих», причем значительная, литературного процесса первого послевоенного десятилетия. Именно поэтому интересно рассмотреть ее. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением, что «литературу создают все произведения, когда-то сыгравшие свою роль, а впоследствии как бы —опарившиеся». Мы лишь тогда изучим литературу, когда объектом окажутся не только самые значительные произведения, но, по возможности, все произведения изучаемой эпохи» [4, с. 22-23]. Именно второстепенная литература подготавливает «новую идею», апробирует новые способы изображения, новые тематические пласты, то есть делает всю ту черновую работу, результаты которой впоследствии использует, критически переработав, «большая литература». Поэтому естественным является стремление к ее осмыслению.

Весь огромный массив военной мемуарной литературы первого мирного десятилетия условно можно разделить на три основные группы: воспоминания солдат и офицеров, действовавших непосредственно на фронте, воспоминания партизан и подпольщиков и воспоминания тех, кто трудился в советском тылу.

Воспоминания участников фронтовых действий, например Я. Павлова [46], Т. Горба [13], Г. Пенежко [47], И. Кожедуба [33], А. Штепенко [56], Я. Иоселиани [30], О. Джигурды [18], С. Путаея [51], охватывают весь период войны, в них повествуется обо всех родах войск, представляются они различными по званию людьми – от рядового до генерала. Хотя в каждом из этих свидетельств рассказывается только о тех боевых операциях, в которых участвовал сам автор, взятые вместе, они рисуют общую картину боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны практически за весь ее период. Мемуары данной группы отличаются конкретностью характеристик людей, о которых в них повествуется (нередко даются биографические данные солдат и офицеров, описание их действий в определенных условиях). Авторы воспоминаний пытаются раскрыть психологические мотивы поведения людей.

Воспоминания участников борьбы в тылу врага условно можно разбить на две группы: мемуары партизан и подпольщиков. При их анализе обращает на себя внимание следующая особенность. Если воспоминания фронтовиков представлены самыми разными по воинскому положению людьми, то львиная доля данных мемуаров принадлежит секретарям подпольных обкомов и райкомов партии, командирам партизанских соединений и отрядов. Воспоминания рядовых участников партизанского и подпольного движения представлены значительно меньше.

О партизанах, действовавших на территории России, повествуется в воспоминаниях В. Андреева [2], П. Игнатова [28], Н. Пименова [48], А. Даниловского [15]. О партизанах Украины и Молдавии идет речь в воспоминаниях И. Козлова [34], А. Федорова [55], Д. Елина [22]. Действия белорусских партизан освещаются в книгах А. Демидова [17], П. Зеновича [24], Г. Линькова [38], Т. Логуновой [39], И. Шумилова [57] и других.

Отдельную группу составляют воспоминания о соединении С. А. Ковпака. Здесь можно выделить документальные свидетельства П. Брайко [5], П. Вершигоры [7; 9], С. Ковпака [32], Л. Коробова [35]. Необходимо также назвать произведения, которые тематически примыкают к ней. Это дневники участников партизанского движения (М. Попудренко [50], С. Руднева [52], И. Константиновой [16] и др.) и воспоминания родственников погибших партизан и подпольщиков (П. Игнатова [25], Е. Кошевой [37], Л. Космодемьянской [36] и др.).

Третья группа воспоминаний представлена рассказами о работе отдельных предприятий, колхозов, МТС, воспоминаниями о поездках тружеников советского тыла на фронт и некоторыми другими. В количественном отношении она крайне незначительна (М. Драгунов [20], И. Ирошникова [31], П. Ангелина [1], Ф. Дубковецкий [21], О. Матюшина [40], К. Ползикова-Рубец [49] и др.).

Основной массив художественно-документальной литературы тех лет составляют, как мы убедились, документальные свидетельства партизан. В количественном отношении они потеснили все другие воспоминания участников войны, постоянно переиздавались, пользовались необычайной популярностью как у литературоведов, так и у рядовых читателей, о чем свидетельствуют многочисленные, выдержанные, в основном, в хвалебных тонах статьи и отзывы (В. Аранский [3], Г. Бровман [6], М. Гельфанд [10], А. Мацкин [41], С. Нельс [43], С. Трегуб [54] и др.).

Приведем несколько примеров. И. Рывкин и И. Гринберг писали о книге Д. Медведева «Сильные духом»: «В захватывающих эпизодах и ярких картинах с большой сердечной теплотой показывает автор высокое мастерство советских разведчиков, храбрость, негибаемую волю и веру в конечную победу» [53, с. 204]. В. Жданов так отзывался о мемуарах И. Козлова «В Крымском подполье»: «...поступками этих людей двигали не личные интересы, а высокая патриотическая идея, сознание своей ответственности за судьбу Родины. В этом – сила людей, описанных в книге, и сила самой книги, как документа, имеющего воспитательное значение» [23, с. 2].

А вот отзыв на мемуары партизан в целом: «В книгах о партизанском движении и подпольной борьбе наиболее ценным является то, что в них мы отлично понимаем и чувствуем особенности поведения советского

человека <...> Важно еще и то, что в выдающихся героях партизанской борьбы мы часто видим характер не только в действии, но и как бы в процессе его исторического формирования» [14, с. 173]. Подобные высказывания можно цитировать еще и еще, но все они будут в определенной степени однотипны. Обращает на себя внимание акцент на воспитательном значении книг.

Каковы социально-исторические предпосылки появления военных мемуаров, их необычайного успеха у читателей тех первых послевоенных лет?

Основным и непосредственным толчком создания воспоминаний явилась, конечно же, Великая Отечественная война. Естественной реакцией многих ее участников было желание поделиться с настоящим и особенно будущими поколениями тем, что они пережили, оставить навсегда в памяти людей имена погибших. В людях был жив непосредственный интерес к недавним событиям, они пытались понять, осмыслить сделанное ими, поэтому «невыведанная проза» воспринималась совсем иначе, чем беллетристика. Участие автора в описываемых событиях, даже косвенная к ним причастность, уже гарантировали достаточную степень доверия читателей. А то, что воспоминания эти в художественном отношении достаточно часто были слабы, никого не смущало. Недалеко еще ушла в прошлое война, слишком сильны были чувства людей того времени. Читатели могли сами «дорисовать» то, что не удавалось где-то авторам, они прощали им как сухость изложения, так и излишнюю порой беллетризацию. Объяснить все это можно только отчетливым патриотическим настроением людей первых послевоенных лет, эйфорией от победы.

Кроме того, большое значение для общественного восприятия этих документальных свидетельств сыграл тот факт, что говорилось в них о самых обыкновенных людях, и рассказывал тоже самый обыкновенный человек, один из многих. По сути, в этих воспоминаниях в полной мере, но уже на новом витке развития, воплотился герценовский принцип отражения истории в человеке, «у которого есть что рассказать и который может и хочет это сделать» [11, с. 828].

Причина же необычайного успеха партизанских воспоминаний кроется, на наш взгляд, в жизненном материале, предложенном мемуаристами. Он был неизвестен широкому кругу читателей, привлекал своей новизной. Ведь о партизанах в течение четырех лет войны, за редким исключением, практически ничего не сообщалось: это была закрытая тема. Естественный информационный голод могла утолить только документальная литература. Высокий общественный интерес к документальным свидетельствам партизан был вызван также и тем, что многие, о ком шла речь, были живы. Они узнавали себя, узнавали своих товарищей по оружию. Как правило, тысячи писем получали авторы наиболее известных книг. Доказательством тому служат личные архивы А. Федорова, П. Вершигоры, С. Ковпака, Д. Медведева.

Приведем один из характерных восторженно оптимистических отзывов в адрес П. Вершигоры, автора книги «Люди с чистой совестью»: «Ваша книга меня так захватила, что буквально в два вечера была прочитана мною. Воспоминания расцвели в моей душе, и мне так захотелось снова быть в кругу близких и дорогих сердцу людей. Перечитывая книгу, я обратила внимание на те места, где Вы описываете комиссара. Именно таков был в жизни комиссар, каким он предстает перед читателями... Хвала и честь тому, кто сумел так просто и правдиво воспроизвести образы людей, достойных любви и славы» [19, с. 192].

Военная мемуаристика, таким образом, была рассчитана на массового читателя. Она вполне удовлетворяла его потребности и вкусы, хотя наверняка мемуаристы и не помышляли о том, что книги их вызовут такой общественный интерес. Но именно они оказались в центре читательского внимания на протяжении целого ряда лет, обусловили в определенной степени развитие историко-литературного процесса первого послевоенного десятилетия. Не последнюю роль в активном издании мемуаров непосредственных участников войны сыграло и то, что все они были выдержаны в русле официальной идеологии, раскрывающей непременно через показ «организующей и направляющей роли партии в борьбе советского человека за честь и независимость Родины» [12, с. 1].

«Литературная газета» писала в те годы: «Тема советского патриотизма – генеральная тема нашей литературы на большой период времени. Она разнообразна и многогранна. Помочь партии и правительству в воспитании наших людей, нашей молодежи в духе советской национальной гордости – высокая честь для советского литератора. Наша литература должна стать глашатаем советского патриотизма» [Там же]. В этом свете интересно посмотреть на вполне закономерную метаморфозу, произошедшую с П. Игнатовым. Если в своих первых небольших брошюрках «Братья Игнатовы» (1945) и «Необычайные приключения» (1946) мы не встретим ни одного слова о партии или о Сталине, то в «Записках партизана», изданных в 1949 году, одной из центральных тем становится показ руководящей роли партии.

Именно в эти годы происходит завершающая разработка и утверждение основных закономерностей развития военной мемуаристики, ее литературных форм, она окончательно обособляется от публицистических и беллетристических жанров. По сути, в этот период оформляются те традиции, по которым будет развиваться вся последующая военная художественно-документальная проза. В первое послевоенное десятилетие происходит, кроме того, и количественное накопление документальных свидетельств участников войны. Изменения затрагивают также содержательный план. Если в годы войны важно было «зафиксировать» события, «организовать» общественное сознание для борьбы с врагом, то теперь можно было уже и подумать, осмыслить прошедшее. По сравнению с военным периодом, изменился характер нравственной проблематики мемуаров: в них мы не встретим уже бескомпромиссной ненависти, поляризации образов как основного идейно-композиционного приема.

Мемуары послевоенного десятилетия отличает стремление их авторов беллетризировать свое повествование, причем по мере ухода войны в историю эта тенденция, как мы видим, все более углубляется. Большая часть мемуаристов насыщает свои воспоминания жанровыми и бытовыми сценами, в чем проявляется их желание познакомить читателей с военным бытом. Всего этого не было и не могло быть в свидетельствах периода войны.

Общим становится и стиль изложения: страстный, эмоциональный, где-то даже излишне патетичный. Связано это, скорее всего, с тем, что далекие от литературного профессионализма, но преисполненные желания рассказать, мемуаристы компенсировали этим свое неумение художественно ярко воспроизводить события. Не последнюю роль сыграла, конечно, и общая атмосфера, царившая в общественной жизни и литературе: «приподнять» действительность, «отодвинуть» подальше все тяжелое. Поэтому в мемуарах этого периода мы практически не видим воспоминаний, рассказывающих о неудачах, поражениях, трагических ошибках и т.п.

Оценивая документальные свидетельства участников войны с позиций современности, многое видится, конечно, иначе, ибо, создавая свои воспоминания «по горячим следам», мемуаристы не обладали той полной информацией, которой обладаем мы. Большое количество материалов и документов, так или иначе объясняющих события войны, приоткрывающих их взаимосвязь, становятся известными только сегодня. Следовательно, вольно или вынужденно, но военные мемуаристы находились под сильным воздействием официальной идеологии, которая не позволяла ни малейших отступлений от проводимого курса. Хотя, как нам кажется, основная масса людей все-таки искренне верила в партию, Сталина и переносила эту веру на страницы своих воспоминаний, объективно сделав тем самым немало для утверждения официальной идеологии.

Итак, очевидным историко-литературным фактом является наличие в литературе первого послевоенного десятилетия большого пласта военной мемуарной литературы. Проследив историю ее становления, необходимо отметить общее сходство, обусловленное темой, приемами воспроизведения действительности, «социальным заказом» времени. Это общее рождало, однако, и стереотипы, которые сегодня затрудняют проникновение данных воспоминаний к читателю. Но нельзя не учитывать, что в отчетливо выраженной идеологической направленности мемуаров, в понимании мемуаристами своих задач, осмыслении ими жизненного материала нашло отражение состояние общественного сознания периода их написания. Поэтому нельзя быть излишне категоричными в оценках и выводах относительно этих воспоминаний, нельзя не учитывать контекста времени. Как бы, пусть даже диаметрально противоположно, ни оценивалось первое послевоенное десятилетие, в этом была его специфика, уникальность. Такого «победного» периода больше не было в нашей литературе. Да и с большей долей уверенности можно утверждать, что, чем дальше в прошлое будут отодвигаться события той войны, чем меньше будет оставаться в живых ее свидетелей, тем больший вес и значение для художественной литературы, писателей, работающих в военной теме, будут приобретать именно документальные свидетельства ее непосредственных участников и очевидцев. Вклад их в общий художественный фонд о Великой Отечественной войне, может быть, и не столь велик, но не считаться с ним мы не имеем права.

Список литературы

1. Ангелина П. О самом главном. 1948.
2. Андреев В. Народная война (из дневников брянского партизана). М.: Воениздат, 1949. 296 с.
3. Аранский В. Книга о сильных и смелых // Советская педагогика. 1949. № 7. С. 107-109.
4. Бочаров А. Человек и война. М.: Советский писатель, 1973. 456 с.
5. Брайко П. По немецким тылам (из записок партизана). 1946.
6. Бровман Г. Облик героя // Знамя. 1947. № 8. С. 190-197.
7. Вершигора П. Люди с чистой совестью. М.: Сов. писат., 1951. 644 с.
8. Вершигора П. О «бывалых людях» и их критиках // Звезда. 1948. № 6. С. 105-108.
9. Вершигора П. Партизанский комиссар (С. В. Руднев). 1946.
10. Гельфанд М. Люди с чистой совестью // Литературная газета. 1945. 7 ноября.
11. Герцен А. И. Былое и думы. М.: Слово/Slovo, 2001. 912 с.
12. Главная тема советской литературы // Литературная газета. 1947. 8 июля.
13. Горб Т. Штурм Берлина. 1948.
14. Громов П. Документальность и вымысел // Звезда. 1947. № 9. С. 172-179.
15. Даниловский А. В донских плавнях. Записки комиссара партизанского отряда. 1946.
16. Девушка из Кашина: дневник и письма юной партизанки Инны Константиновой и материалы о ней. 1947.
17. Демидов А. Семнадцать дней в окружении: записки партизана. 1955.
18. Джигурда О. Теплоход «Кахетия». 1950.
19. Дмитриева Ц. Трибуна читателя (обзор писем) // Знамя. 1947. № 4. С. 182-198.
20. Драгунов М. Это было на нашем заводе. 1945.
21. Дубковецкий Ф. Путь к коммунизму. 1951.
22. Елин Д. Рейд к Днестру. Из записок партизана. 1953.
23. Жданов В. Правдивая хроника славных дел // Комсомольская правда. 1947. 29 мая.
24. Зенович П. Хозяева / лит. запись М. Калиновского. 1951.
25. Игнатов П. Братья Игнатовы (очерк о партизанах, Героях Советского Союза) / лит. обработка П. Лопатина. М.: Молодая гвардия, 1945. 88 с.
26. Игнатов П. Записки партизана. 1949.
27. Игнатов П. Необычайные приключения (из боевых эпизодов кубанских партизан). Краснодар: тип. изд-ва «Ейская правда», 1946. 48 с.
28. Игнатов П. Подполье Краснодара. Краснодар: тип. изд-ва «Ейская правда», 1947.
29. Из фронтовых рукописей // Октябрь. 1945. № 5-6. С. 103-121.
30. Иоселиани Я. Записки подводника. 1952.
31. Ирошников И. Где-то в Сибири. 1946.
32. Ковпак С. От Путивля до Карпат / лит. запись Е. Герасимова. 1945.
33. Кожедуб И. Служу Родине. 1949.
34. Козлов И. В Крымском подполье. 1947.
35. Коробов Л. Украинские партизаны (из дневника военного корреспондента). 1945.

36. Космодемьянская Л. Таня. Лениздат, 1945.
37. Кошечкина Е. Олег Кошевой. 1945.
38. Линьков Г. Война в тылу врага / лит. обработка З. Кедровой. 1946.
39. Логанова Т. В лесах Смоленщины / лит. обработка А. Тартаровой. 1945.
40. Матюшина О. Песнь о жизни. 1947.
41. Мацкин А. Правда народной борьбы // Литературная газета. 1947. 2 августа.
42. Медведев Д. Сильные духом. М.: Воениздат, 1951. 595 с.
43. Нельс С. Идеино-художественные пути советской прозы // Знамя. 1947. № 6. С. 97-121.
44. О войне, о товарищах, о себе. Великая Отечественная война в воспоминаниях участников боевых действий: Аннотированный указатель военно-мемуарной литературы (1941-1975 гг.). М.: Воениздат, 1977. 239 с.; М.: Воениздат, 1982. Вып. 2. 256 с.
45. Овчаренко А. Большая литература. Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945-1985 годов. Сороковые-пятидесятые годы. М.: Современник, 1985. 464 с.
46. Павлов Я. В Сталинграде (фронтовые записки). Сталинград: Обл. книгоиздательство, 1951. 32 с.
47. Пенежко Г. Записки советского офицера. М.: Советский писатель, 1949. 538 с.
48. Пименов Н. 57 дней в тылу врага. Записки партизана. 1948.
49. Ползиков-Рубец К. Они учились в Ленинграде. 1954.
50. Попудренко М. Щоденник. 1949.
51. Пугай С. Записки танкиста. 1951.
52. Руднев С. Щоденник про Карпатский рейд. 1948.
53. Рывкин И., Гринберг И. Сильные духом // Знамя. 1951. № 12. С. 204-205.
54. Трегуб С. Герои и героизм // Литературная газета. 1948. 7 апреля.
55. Федоров А. Подпольный обком действует / лит. запись Е. Босняцкого. М.: Молодая гвардия, 1954. 612 с.
56. Штепенко А. Ночные охотники. Записки штурмана. М.: Воениздат, 1945. 144 с.
57. Шумилов И. В тылу врага. 1949.

“SOCIAL MANDATE” OF THE FIRST POSTWAR DECADE AND WAR AUTOBIOGRAPHIC LITERATURE

Arkhipova Irina Sergeevna, Ph. D. in Philology
Ural State Medical University
ira.arkhipova@gmail.com

The article examines the socio-historical backgrounds for the appearance of war memoirs in the first postwar decade, reasons for their success with the contemporary readers, specifics. On the basis of historical and literary analysis the author justifies the thesis that the development of literature is a socially determined process; that the formation and existence of any genre form in the literature is conditioned by, first of all, social and aesthetic demands of the epoch. It is the author's strong conviction that farther into the past will move the events of the Great Patriotic War the more weight will acquire the documentary evidence of its direct participants.

Key words and phrases: politicization of spiritual life; ideology; historical and literary process; “old soldiers”; war memoirs; documentary evidence.

УДК 82.0+821.161.1

Филологические науки

Статья представляет собой опыт прочтения «символа веры» Ф. М. Достоевского в восточном религиозно-философском и литературно-эстетическом ключе. Методологическую основу микроисследования составляет контекстный подход, задача которого заключается в том, чтобы расширить художественные параллели искомого произведения, ввести его в широкий круг источников для более четкого уяснения механизмов образной рецепции. Предлагаемая в статье модель интерпретации коррелирует с известным утверждением М. М. Бахтина о важности привлечения далеких культурных контекстов в процессе понимания конкретного явления. Концепция «большого времени», на взгляд автора статьи, себя не исчерпала. Отсюда – необходимо раскрыть ее богатый содержательный потенциал с учетом не только западного дискурса, но и восточного знания.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; «символ веры»; восточный религиозно-философский контекст; русская классическая литература; структура художественного мышления; герменевтический метод.

Бекметов Ринат Ферганович, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
bekmetov@list.ru

ЕЩЕ РАЗ О «СИМВОЛЕ ВЕРЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (К ВОСТОЧНОМУ КОНТЕКСТУ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ)©

Свой «символ веры», своеобразную квинтэссенцию религиозных чувств и представлений, Ф. М. Достоевский сформулировал в письме к Н. Д. Фонвизиной, жене декабриста М. А. Фонвизина, написанном в 1854 году,